

О СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКЕ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ

О. В. Шул ь с к а я

Демократизация современной стихотворной речи идет в русле общего процесса „обмирщения“ поэтического языка, по выражению О. Мандельштама (Мандельштам, 1987. С. 68). Процесс этот вызван сближением языка поэзии с устной разговорной стихией, характеризующейся различными сигналами, среди которых просторечие и жаргон играют немаловажную роль. Еще в 70-е годы исследователи отмечали, что наличие разговорного элемента как в прозе, так и в поэзии того времени „не художественный прием, а норма, общий повествовательный принцип, хотя конкретная его реализация, отбор, границы, характер и способы употребления... художественно мотивированы и обусловлены“. (Левин, 1971. С. 51) Активное употребление просторечных и жаргонных элементов в современных поэтических текстах также не является приемом. Известно, что обращение носителей литературного языка к просторечно-жаргонной стихии становится явлением стилистического узуса, имеющего особый нормативный характер, отличный от общей культурно-речевой нормы. Нормы авторского лирического повествования, широко включающие стилистически сниженную лексику, связаны не только с нормами литературного языка, но и с коллективными навыками стилистически значимого употребления языка, которые „будучи специфической частью общих законов языкового функционирования, очень чувствительны к историческому развитию языка и меняются во времени с той степенью активности, которая соответствует любому факту речевого общения, имеющему внеязыковую социальную обусловленность“ (Винокур, 1987. С. 25).

Если рассматривать употребление просторечия и жаргона как определенный стилистический параметр, пусть и ограниченный, его можно использовать при синхронном анализе ряда художественных систем. С точки зрения названной стилистической координаты современные стихотворные тексты членятся на три группы: художественные системы с активной тенденцией в использовании просторечно-жаргонной стихии, с умеренной и нулевой. При описании этой лексики важно отметить не просто сам факт их употребления, но творческое в просторечии и жаргоне в отличие от формульных стереотипов в них. Отношение к таким стереотипам – показатель в характеристике того или иного идиостиля.

Рассмотрим некоторые функции просторечия и жаргона в поэтических текстах современных поэтов.

Усложнение характерологической функции этой лексики связано с изменением норм авторского повествования. Если в лирическом повествовании присутствует точка зрения персонажа, нелитературные элементы воспринимаются как характерологические, идущие от речевой практики персонажа. Некоторые, широко используемые в современной поэзии формы лирического повествования, такие, как например, монолог, демонстрируют различные варианты авторской и неавторской речи. Эта форма дает возможность спрятать свое авторское „я”, хотя здесь полного отстранения автора нет, а часто налицо совмещение восприятия автора и персонажа. Особенно это характерно для прозаизированных стихотворных текстов. Например, в стихотворении А. Вознесенского „Монолог Мерлин Монро” речь автора и персонажа почти сливаются:

Продажи. Рожки. Шеф ржет, как мерин

.....
мы убивали себя карьерой,
деньгами, *деками* загорелыми,
ведь нам, актерам, жить не с потомками,
а режиссеры – одни *подонки*.

.....
невыносимо, когда раздеты
во всех афишах, во всех газетах,
забыв, что сердце есть посередке,
в тебя завертывают седетки,
лицо измято, глаза разорваны
(как страшно вспомнить во „Франс Обзервере”
свой снимок с *мордой* самоуверенной
на обороте у мертвой Мерлин!)

Просторечные слова (*рожки, ржет, подонки, девки*) входят здесь в поток разговорной интонации, характеризующей речь персонажа, которая не отличается ни по тональности, ни по характеру используемой лексики и синтаксических конструкций от речи автора.

Иной стилистический эффект мы наблюдаем в стихотворных текстах поэтов, художественной манере которых в значительно меньшей степени присуще (или вообще не присуще) такое стилистическое качество, как прозаизация лирического повествования. Возьмем для примера стихотворение А. Межжирова „Я как-то сразу разочаровался”:

Я как-то сразу разочаровался
Почти во всех, с кем вовремя смывался
С вокзалов, из вагонов и кают,
Из аэропортов и ресторанов,
Где мы конфисковали из карманов
Все то, что просто так не отдают.

Я разочаровался как-то сразу
И как-то сразу все произошло,
Когда мы обкатали автобазу
В буру и в секу (наше ремесло).

Я как-то сразу. Не мало по малу,
А весь как есть. Но не в игре, пожалуй,
А в чем-то сопредельном. Заряди,
Сулящую и рабство и свободу,
Тугую навощенную колоду,
Рассчетный день маячит впереди.

Игра – исчадьё разума и духа,
Особый род особого недуга, -
И разочароваться в ней нельзя,
Тем более, что сыграна не вся...

И пусть игра налево катит кати, –
И разочарованье, как изъятие
Частицы жизни на ее закате, –
И потому невелика беда,
И нету благодатней благодати,
Чем разочароваться навсегда.

В этом стихотворении персонаж („чужой” характер) воплощается в субъективной форме (я) – отсюда и введение в текст элементов социально-речевой характеристики: просторечия *смотался*, жаргонизмов *обкатать в буру и в секу*, *катит кати*, разговорных конструкций: *Я как-то сразу. Не мало по малу. А весь как есть*. В этом не было бы ничего особенного, но в третьей строфе происходит переключение планов изображения: появляется второе лицо, выраженное императивом – *заряди Сулящую и рабство и свободу, Тугую навощенную колоду*. С этим связан и слом интонации в стихотворении. Традиционное уподобление жизни-игры переводит текст в иную тональность, что поддерживается высоким лексическим элементом – *сулящей, исчадьё, изъятие, благодать*. Жаргонизм *катит кати* соотносится с темой игры и не меняет стилистическое звучание стихотворения. Императив (*заряди*) здесь можно рассматривать как обращение автора и к персонажу и обобщенному адресату – отсюда усиление интонации исповеди. Авторский голос выдает и афоризм – *И нету благодатней благодати, Чем разочароваться навсегда*.

Можно отметить и другие случаи использования Межировым просторечия и жаргона, включенных в поток высокой интонации, где они выполняют роль сигналов особого рода. Они нужны поэту не просто как экспрессивное средство. Контекст подчеркивает в этих

словах прежде всего оценочный компонент значения. Отсюда – нужный для поэта акцент в стихотворении:

Когда в когда-то новые районы
Пародия на старые салоны
Пришла в почти что старые дома
И густо поразвесила иконы
Почти что византийского письма, –
В прихожих, где дубленки из Канады,
Запыльхали золотом оклады,
Не по наследству, скромному весьма,
Полученные вдруг – а задарма,
Они из ризниц, может быть, последних,
Висят не в спальнях даже, а в передних
Иконы эти, эти образа.

Там лейб-маляр, плутишка лупоглазый,
Бросал на холст валютные размазы,
В один сеанс писал хозяйке хазы
Почти что византийские глаза. („Бормотуха“)

Просторечное *задарма*, жаргонизм *хаза*, наряду с другими средствами: оценочной лексикой (*лейб-маляр, плутишка лупоглазый, валютные размазы*), особенно значимым здесь троекратным повтором разговорного варианта частицы *почти (почти что)* используются поэтом для характеристики „почти что культура“⁶⁴, полукультуры низов элиты.

Оценочный компонент значения у просторечных слов может и не акцентироваться в тексте, как, например, в стихотворении А. Королева, творчество которого ориентировано на разговорно-просторечную стихию, что часто и декларируется поэтом:

Миновала пылких чувств эра,
как в изяществе искусств вера.

Время зрелости. Расцвет. Акмэ.
Вот о том и речи нет, как мы
пьяли на облака *зенки*
и снимали с молока пенки. („Ретроспектива“)

Просторечие здесь выполняет роль элементов, намеренно снижающих высокий тон, „пылкость чувств“, а оценочность отходит на второй план.

Оценочность может подчеркиваться и в просторечных вариантах слов, как, например, в контексте Межирова:

Не из народа, из низов элиты
Исчадые розни и возни ползло,

Когда, из грязи в князи сановиты,
Низы элиты выявляли зло.

Великие традиции оплакав,
Из глубины идущие веков,
Сперва безгрешней были, чем Аксаков,
Киреевские или Хомяков.

Все было так. Но не прошло и году,
У логики вещей на поводу,
Единственной реальности в угоду,
В охотном оказались ряду.

Через плечо заглядывая в книжки,
Разлитьем озаботились вдрут,
Леонтьева читая понаслышке
И Розанова из десятых рук. („Бормотуха“)

Если принять во внимание, что для Межирова употребление вариантов на -ся в глагольных и деепричастных формах является „минус-приемом“, то значимость и экспрессия этого варианта особенно наглядна. Тема полукультуры, полуэлиты находит у поэта и стилистическое решение.

Безусловно, нельзя связывать функции просторечных элементов только с характером лирического повествования, прозаизированного и непрозаизированного. Определяющую роль здесь играет стилистическая установка автора. У Мандельштама, например, глагольная форма на -ся тоже встречается в стихотворениях с высокой интонацией, но употребление этой формы не является для поэта „минус-приемом“, а иногда она стилистически немотивирована и не оценочна, как в следующих строках:

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская *сущалась* над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.

Обратим внимание еще на два случая использования рассматриваемой лексики: метаязыковая функция просторечия и жаргона и изменение оценочности просторечных слов. Эти два момента часто бывают взаимосвязаны. Примером взаимодействия метаязыковой функции с поэтической могут служить строки Межирова, комментирующие название его стихотворения „Бормотуха“:

Я, конечно, понимал заранее,
Нелицеприятным будет суд
И мое ужасное название
Пошлым и безвкусным назовут.

И поскольку нет прорабов духа,
Сборной духа в этой книжке нет,
Для нее название – „*Бормотуха*”
Я придумал в духе этих лет.

Употребление просторечия и жаргона в метаязыковой функции иногда вызывает изменение оценочности слова. Как известно, существуют определенные корреляции между стилистическим регистром слова и характером эмоциональной оценки. По мнению некоторых исследователей (Шаховский, 1983) стилистический аспект значения и коннотативность не являются тождественными понятиями. Не изменяя стилистической окраски слова, контекст может менять оценочный знак лексики, чаще всего отрицательно-оценочное слово в контексте становится положительно-оценочным, как, например, в контексте Вознесенского, где у жаргонизма *лажа* меняется оценочный знак:

Окрошка хороша –
с крошенными в ней кусками
яичными особняками,
прозрачным языком Пассажа
с толпой взаимного массажа,
с уже старославянским „*лажа*” („Московская
окрошка”)

Если говорить об изменении оценочности у просторечных слов, то в современных стихотворных текстах таких примеров немало. Хотя исследователи отмечают отсутствие строгой зависимости „между отрицательной оценочностью и разговорной (стилистически сниженной) окраской” (Петрищева, 1984. С. 152) большинство просторечных слов заключают в себе отрицательную оценку. Изменение оценочности может достигаться разными способами, что мы наблюдаем в контекстах Шкляревского и Межирова:

Открыты черные ворота –
и два веселых *обормота*
глотают пиво у ларька.
И ход сухого кадыка
подобен ходу поршня. Чисто!
И пеной – фух – над головой.
Трубят в бутылки, как горнисты,
что день окончен трудовой. („Ну вот и кончилась
работа”)

Дощатый гроб над склоном чуть креня,
Толпа выходит на тропу крутую,
Нажала на клаксоны *шоферня*,
Соратнику и другу салютя. („Тбилиси. Цех”)

В первом случае слово *обормот* (прост., бранное) в сочетании с эпитетом *веселые*, в „положительном“ контексте меняет свою оценочность. В контексте Межирова снятию отрицательной оценочности у слова *шоферня* (прост., пренебрежит.) способствует употребление его в контексте, связанном с высокой темой смерти, а также включение в один ряд с высоким *соратник*.

Просторечная лексика в условиях контекста может создавать „радиацию“, благодаря которой нейтральные слова, не коннотативные в словарном отношении, коннотируют эмотивность отрицательного оценочного знака, как, например, в следующем контексте Преловского:

Уезжал я от этих домишек
из чалдонского злого угла.
От *хозяев, добытчиков, выжиг*
уезжал без отрады и зла. („Село“)

Взято вне контекста слово *хозяева* не вызывает какого-то стилистического впечатления. В данном случае у него появляется отрицательный оценочный знак, так как в позиции соположения с ним находятся просторечные слова с отрицательной оценочностью (*выжига, добытчик*).

Анализ современных поэтических текстов показывает, что творческое использование в стихотворной речи просторечия и жаргона направлено на выявление еще не раскрытых потенций этой языковой стихии.

ON THE VOCABULARY USED IN AN INFERIOR STYLE IN THE POEMS OF MODERN POETS

O. V. Shul'skaya

Summary

The functions of the vocabulary used in an inferior style get complicated due to the change in the norms of the author's narration. The creative usage of the colloquial language and jargon is closely connected with the peculiarities of an individual style.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур, 1987 – Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., Наука, 1987.

Левин, 1971 – Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., Наука, 1971.

Мандельштам, 1987 – М а н д е л ь ш т а м О. Заметки о поэзии // Слово и культура. М., Сов. писат., 1987.
Петрицева, 1984 – П е т р и ц е в а Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., Наука, 1984.
Шаховский, 1983 – Ш а х о в с к и й В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.

Вильнюсский университет
Кафедра русского языка

Сентябрь 1991